

Галина Щербакова

Душечка

Есть такое выражение — человек с отрицательным обаянием. Я так это понимаю: прелесть, что за обаяние, а человек — сволочь. Ну, это, конечно, грубо, не так, как на самом деле. На самом деле все тоньше, но одновременно и грубее.

...У нее с детства была такая улыбка, что прохожие останавливались и сами расплывались лицом. Сейчас молодежь рисует смайлики, чтоб сказать: смешно. Вот уголки ее рта всегда были приподняты к двум чудным ямочкам на щеках, а большие синие глаза хлопали ресницами в виде прицепленных к векам смайликов. И всю ее жизнь это не менялось — смайлики, ямочки, зубки и чуть приподнятый носик. Надо ли говорить, что у нее было три мужа, несчитово любовников, что она всегда была при деньгах и достатке? Но я не про деньги и ее очарование. Я про то, что внутри она была совсем другой. Она была профессиональной стукачкой на оплате, и это было делом всей ее жизни.

Один старый мудрый диссидент, когда я рассказала ему про нее, абсолютно не поверил этому.

— Этот тип людей — без лица. Они серые,

стертые. Им же нельзя выделяться по определению. А ты говоришь — обаяние. Чепуха.

— Значит, она исключение.

— Я знаю этот мир лучше тебя, поверь, ты ошибаешься. Какое исключение, когда полстраны стучали на другую половину. Скрытно, серо, по-крысиному. Стукачи для неопознанки принимали вид земли или там воды. В этом ведь и была сила «органов», управляющих нами по сию пору. Какие там смайлики? Они же очень серьезные люди, до противности, до отвращения. Улыбающийся человек не мог там быть.

Она была. Эта моя чертова профессия журналиста — вечно рыться носом там, откуда ушли бульдозеры и атомные пушки, а я сижу в яме и ковыряюсь, ковыряюсь до самого говна земли.

Когда немного открыли архивы КГБ, я ухитрилась посмотреть дело моего двоюродного брата-студента, которого замели в пору Чернобыля. Он как бы что-то там узнал и пошел кричать про систему, страну, партию. Так вот, его кричалки на какой-то пьянке слышала Вера Говорухина, ее докладка была в его деле. Вполне официальная: и что, и где, и когда. С ней я училась.

Брат как-то странно умер — острая пищевая инфекция в изоляторе. А у меня пошла раскручиваться память. Вот мы, школьницы-девятиклассницы (конец семидесятых),